

Можно встретить случаи, когда указание на определенный отрезок времени сопровождает имперфект курсивного глагола. Но при таком сочетании функция этого указания времени оказывается иной, чем при претерите. Оно не сообщает действию законченности, как это обязательно бывает при претерите. Например:

Il était près de trois heures. Depuis plus de deux heures et demie, il galopait, il galopait, Une allée sablée et mouvante pour les cavaliers se présente. Il l'enfila à toutes jambes... 'Было около трех часов. В течение более чем двух с половиной часов он бежал, бежал. Ему попалась посыпанная песком аллея для всадников. Он бросился по ней со всех ног...' (Э. Золя. Париж, 321).

Хотя при имперфекте курсивного глагола *galoper* имеется указание на то, что это действие длилось уже более двух с половиной часов, но на этом оно не закончилось. Из последующего изложения видно, что оно продолжалось, а раз действие не было закончено, претерит оказался бы неуместным.

Особенно интересны случаи, когда значение курсивного глагола подчеркивается близостью имперфекта того же глагола. Например:

Tout était prêt. Nous attendions. Nous attendîmes près d'une heure. Une odeur délicieuse de volailles rôties flottait dans toute la maison. 'Все было готово. Мы ждали. Мы прождали около часа. Чудесный аромат жареной дичи разносился по всему дому' (Г. Мопассан. Короли, 221).

Имперфект *attendions* не уточняет продолжительности действия, являясь чистым описанием. Претерит того же глагола *attendîmes* без указания отрезка времени *près d'une heure* — немыслим.

Ограничение действия во времени, в новом языке так же, как в старом, не обязательно должно состоять из указания отрезка времени, в течение которого протекало действие. Одно действие может быть ограничено указанием на другое действие при помощи или дополнения, или обстоятельства:

Il me parla de bien des choses au cours decette entrevue. 'Он говорил со мной о многом в течение этого свидания' (А. Барбюс. Сила,¹ 16).

Здесь длительность свидания дает те временные рамки, которые включают действие:

Il vécut chaste et mourut martyr. 'Он жил целомудренным и умер мучеником' (А. Франс. Таис, 108).

Здесь смерть — *mourut* — служит пределом срока жизни *vécut*.

К рассмотренному значению претерита близок также и случай, когда претерит выражает действие, законченное в прошлом и длившееся в нем некоторый промежуток времени, не уточненный, однако, в предложении. Здесь формой претерита выражается законченность действия, отнесенность его в прошлое, а курсивным характером глагола подчеркивается неопределенность его продолжительности. Но в такой описательной функции выступают лишь претериты курсивных глаголов. Претериты терминативных глаголов не могут служить для описаний, ибо они лишены оттенка незаконченности действия, необходимого для описания. Особенно употребителен описательный претерит в старофранцузском языке. Как известно, специально описательная глагольная форма — имперфект в этот период далеко не имеет того распространения, какое он получил в современном французском языке.

Описательный же претерит настолько типичен для старофранцузского языка, что И. Визинг именно в распространенности этой функции претерита видит основное отличие старого языка от нового.²

¹ H. Barbusse. Force. Paris, [1926].

² J. Vising, ук. соч., II, стр., 16, 18—20, 22.